

Он похлопал себя по щекам, встал с кровати и, торопливо поднявшись, выбежал из комнаты, направившись в главный зал.

В зале Е Цзысинь стоял рядом с Сюй Фусы.

Юноша был строен и изящен, распущенные длинные волосы подчёркивали красоту его лица. На него можно было смотреть бесконечно, получая истинное наслаждение.

Он опустил взгляд, посмотрел на пустой кувшин вина, а затем на учителя, который, опираясь на локоть, сидел с закрытыми глазами. Воздух был напоён ароматом вина, лунный свет струился в окна, а тени деревьев за окном, словно осколки нефрита, лежали на полу. В этом свете половина лица учителя казалась невероятно соблазнительной, будто он был самым чарующим демоном в мире.

Е Цзысинь простоял так довольно долго.

Он пришёл сюда, чтобы проверить, ушёл ли учитель. Если бы тот оставался, юноша нашёл бы повод для разговора. Но он не ожидал увидеть учителя в таком состоянии.

Учитель выпил много, кувшин опустел.

Пьяный человек обычно не осознаёт происходящего вокруг.

При свете свечей фигура юноши дрогнула. Он наклонился и тихо позвал:

— Учитель...

Его голос растворился в воздухе.

Порыв ветра заставил пламя свечей резко качнуться, и тень юноши на стене исказилась, словно дикий зверь, готовый наброситься.

Что-то вспыхнуло в глубине его души, распространяясь и бурля в тишине, пока наконец не овладело всем его телом.

Юноша больше не скрывал одержимости в своих глазах. Его любовь к учителю была настолько сильной, что граничила с безумием. Рука его опиралась на край стола, сердце билось так сильно, будто готово было вырваться из груди, но дыхание оставалось удивительно ровным.

Он поцеловал своего бога.

Тишина.

Внезапно юноша насторожился, услышав звук. Он резко повернул голову, и его взгляд стал холодным и зловещим.

Ли Сяо стоял у двери, опираясь на косяк, и смотрел на эту сцену в оцепенении.

Е Цзысинь не успел скрыть свои эмоции, и они попали прямо в глаза Ли Сяо, вызывая ужас.

Ли Сяо отступил на шаг.

Он сомневался, не спит ли он... Иначе как мог увидеть, как Цзысинь целует учителя?

Но... это не сон.

— Ты с ума сошёл... Е Цзысинь.

Ли Сяо чувствовал, что его мировоззрение рушится. Он просто хотел найти ароматный мешочек, который ему дала Ваньвань, и не ожидал увидеть такое.

Е Цзысинь... любит учителя?

Воспоминания нахлынули на него.

Многие вопросы, ответы на которые Цзысинь и так знал, он всё равно задавал учителю.

Обычно молчаливый и холодный, он улыбался только в присутствии учителя.

Когда все ученики академии горячо приветствовали «невесту» учителя, он холодно держался в стороне.

Когда Ли Сяо сказал ему, что Су Вэйвэй точно станет их наставницей, Цзысинь без эмоций ответил: «Она недостойна учителя».

И его холодность по отношению к красавице Гао Яо...

Теперь всё стало ясно. Из-за любви к учителю он отвергал тех, кого любил учитель. Из-за любви к учителю он постоянно искал его. Из-за любви к учителю он часто покупал ему подарки.

Но...

Глаза Ли Сяо вспыхнули гневом.

Это же их учитель! Как Цзысинь мог сделать такое! Тем более что у учителя уже есть любимый человек!

Он шагнул вперёд, схватил Цзысиня за воротник и занёс кулак, но Цзысинь спокойно сказал:

— Хочешь разбудить учителя?

Ли Сяо стиснул зубы. Конечно, хотел! Чтобы учитель проснулся и увидел этого зверя в человеческом обличье. Но он понимал, что не может этого сделать.

— Выходи со мной! — прорычал он.

Цзысинь последовал за ним.

Ли Сяо закрыл дверь, чтобы случайно не разбудить учителя, если разговор станет слишком громким.

Закрыв дверь, он тут же ударил Цзысиня, целясь в лицо, не сдерживая силы.

— Ты, тварь! Ты понимаешь, что только что сделал?!

Цзысинь получил удар, и кровь выступила у него в уголке рта. Он провёл пальцем по губе, и его бледные губы стали алыми.

Он улыбнулся.

— Как видишь.

Раз уж его раскрыли, он не собирался скрываться.

Он посмотрел на Ли Сяо и сказал:

— Я люблю учителя. Нет, я обожаю его.

В ответ на недоверчивый взгляд Ли Сяо он лишь облегчённо улыбнулся.

— Что, удивлён? Разве не легко влюбиться в такого человека, как учитель?

Он был подобен божеству, но вызывал желание свергнуть его с небес, лишиться всего, что могло бы его удержать.

Одержимость, возбуждение, безумие — чем больше он находился рядом, тем сильнее становилось его безумие.

Видя влажные волосы учителя, он хотел взять их в руки и поцеловать каждый локон.

Видя бледные пальцы учителя, он хотел поднять их один за другим и положить в рот.

Видя стройную шею учителя, он хотел совершить что-то запретное, представляя, как учитель запрокинет голову, его чёрные волосы раскинутся, а глаза наполнятся слезами, и эта шея будет выглядеть невероятно прекрасно.

— Впервые осознав эти чувства, я тоже испугался.

Как можно было думать о таком? Это же его учитель, учитель, который не должен быть осквернён.

Но как только он думал об этом, его разум наполнялся мыслями о том, что будет, если это произойдёт.

Он посмотрел на Ли Сяо и тихо сказал:

— Я слишком сильно его люблю, Ли Сяо.

— Я хочу быть с учителем всегда, но знаю, что это невозможно. Потому что скоро я больше не смогу его видеть. Сегодняшний поступок — это моё прегрешение... Но каждый раз, когда я думаю о том, что мы расстанемся, а он женится на ком-то другом, я не могу себя контролировать. После сегодняшнего я буду вести себя как раньше, учитель ничего не узнает, и, кроме тебя, никто не узнает.

Его голос звучал спокойно, но Ли Сяо уловил в нём нотки самоненависти и боли.

— Ты, наверное, думаешь, что это мои оправдания, но я действительно больше не могу. Понимаешь? — Он горько улыбнулся, глядя на Ли Сяо, и в его глазах читалась печаль. — Я так сильно его люблю, но не могу ему сказать, и должен смотреть, как он любит другого.

— Для учителя я всего лишь ученик, и ничего больше.

Услышав это, Ли Сяо не смог нанести ещё один удар.

Он хотел хорошенько проучить Цзысиня, а затем найти способ предупредить учителя о его нечестивых намерениях, чтобы тот был настороже. Но слова Цзысиня на мгновение вызвали в нём искреннюю жалость, и он больше не мог быть жестоким.

Он никогда не сталкивался с подобным, но мог смутно понять, каково это — любить кого-то и быть вынужденным скрывать свои чувства.

Он представил, как Цзысинь днём выглядит спокойным, а ночью плачет в подушку.

Цзысинь повернул голову, не сопротивляясь.

— Если хочешь ударить меня, бей, делай что угодно.

— Но только не говори учителю. Я не хочу, чтобы учитель... смотрел на меня таким взглядом.

Кулак Ли Сяо сжимался и разжимался. Ему было что сказать, но он не мог найти слов.

— А что с Гао Яо?

— Если ты любишь учителя...

Это было непонятно. Если он любит учителя, зачем тогда общаться с Гао Яо?

Цзысинь ответил:

— Я думал, что если попробую полюбить кого-то другого, то смогу избавиться от этих неправильных чувств. Но через некоторое время я понял, что не могу.

— Я не могу испытывать ничего к другим, только к учителю. Я не хотел втягивать Гао Яо в это...

Ли Сяо, услышав это, снова многое представил, и его кулак постепенно опустился.

Но просто так отпустить Цзысиня он не мог. Как тот мог совершить такое, сделать это с учителем...

Это было недопустимо, хуже, чем поступок зверя...

Вспомнив только что увиденное, Ли Сяо снова сжал кулак и ударил по дереву рядом.

Он посмотрел на Цзысиня, и в его глазах, помимо гнева, читались разочарование, жалость и холодность. Наконец он сказал:

— Сегодняшний случай я никому не расскажу, даже учителю. Но ты больше не должен иметь таких мыслей! Иначе я, Ли Сяо, не буду с тобой церемониться!

Цзысинь молча кивнул.

Ли Сяо чувствовал себя опустошённым.